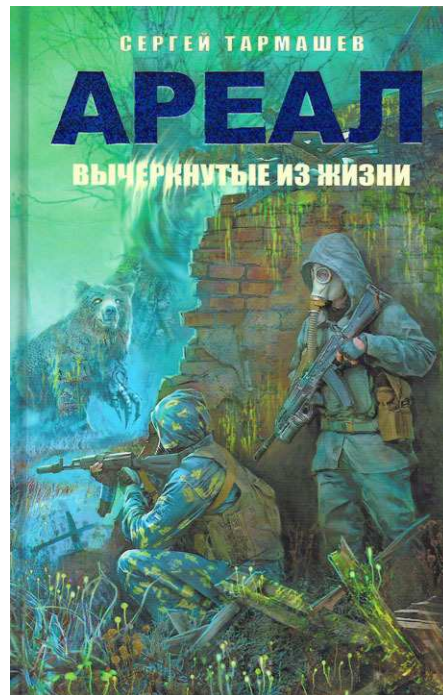

Сергей Тармашев
Вычеркнутые из жизни
Серия «Ареал», книга 4

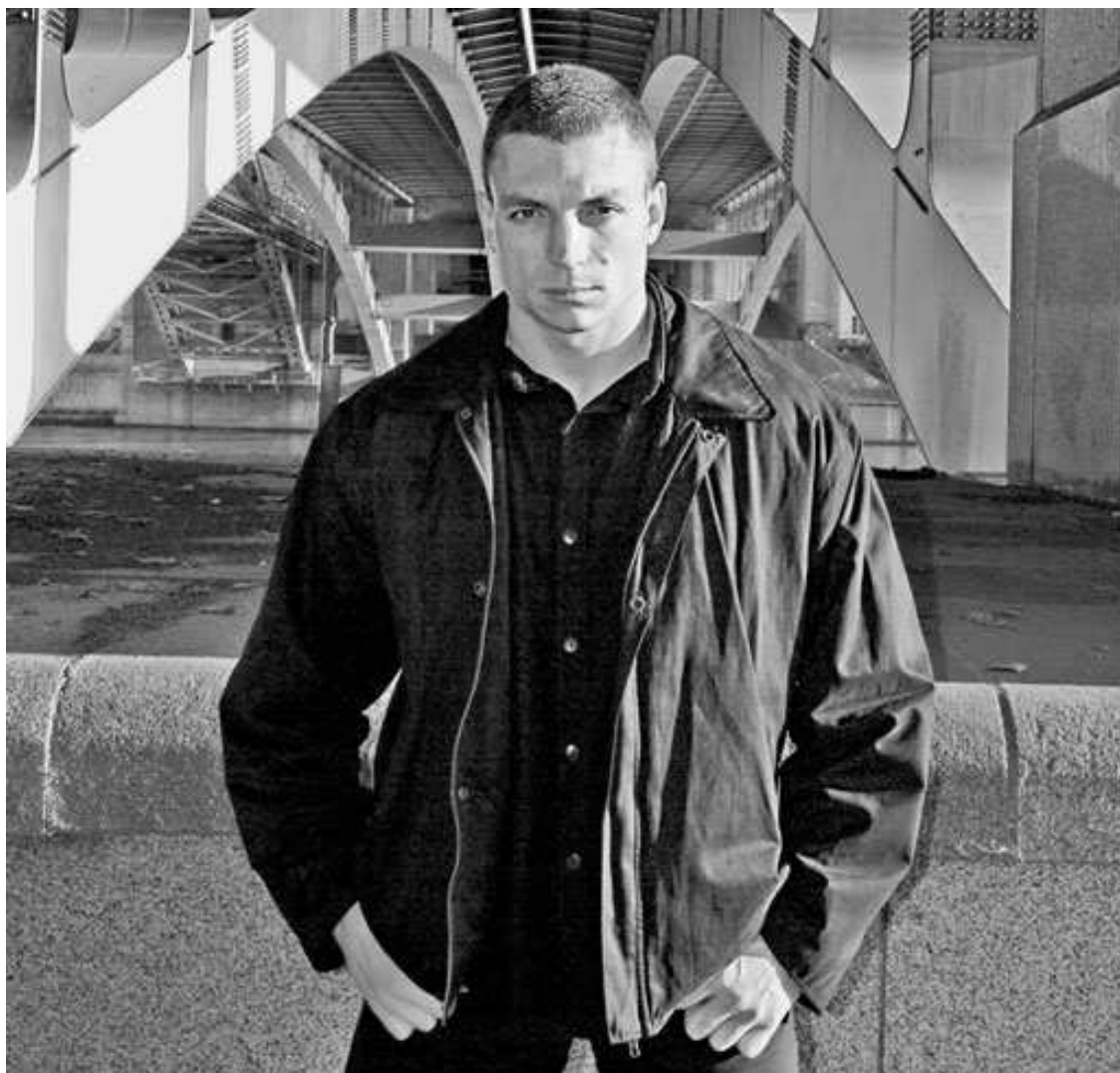
*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3440965
Сергей Тармашев. Ареал. Вычеркнутые из жизни: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-41257-8*

Аннотация

Где заканчивается правда и начинается вымысел об Ареале? Операция «Дезинфекция», в ходе которой по Ареалу был нанесён ядерный удар, привела к катастрофе. Аномальная территория стремительно расширяется. Все владельцы драгоценных артефактов стекаются к Ареалу, не в силах противиться Зову, – хотя человек, пересёкший границу Зелёной Зоны, обречён! Роковой мозговой Зуд, бич нового времени, поражает и миллионеров, и бесправных сталкеров. Но люди, попавшие под проклятие Ареала, не только сами терпят страшные муки, но и несут угрозу всем окружающим, поэтому начинается травля Зависимых. Большую Землю мало волнует судьба двадцати тысяч пленников Ареала. Теперь это государство в государстве, где устанавливают свои волчьи законы криминальные группировки, среди которых пытается выжить отряд майора Плетнёва, известного как Медведь. Но у него слишком много врагов: и зловещие порождения Ареала, и бандиты, и продажные чиновники, объявившие майора преступником и назначившие баснословную награду за его поимку...

Содержание

1	4
2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Тармашев

Сергей Тармашев Ареал. Вычеркнутые из жизни

1

Цюрих, Швейцария, частная клиника нобелевского лауреата в области медицины доктора Кугельштайна, 22 октября 2011 года, 14 часов 34 минуты, время местное.

Обширное стерильно белое помещение операционной было заполнено сложнейшими лабораторными установками и сверхсовременной медицинской техникой, переливающейся мониторами компьютерных интерфейсов. Два с половиной десятка специалистов, ассистирующих Кугельштайну, не сводили глаз с экранов, по которым непрерывными потоками бежали строки данных о ходе проводимого синтеза. Застывшие перед приборными панелями люди, облачённые в медицинские скафандры биологической защиты, более напоминали движущиеся гипсовые изваяния, установленные неизвестным скульптором посреди высеченной из мрамора футуристической композиции. При взгляде со стороны возникало

ощущение, что и технику, и её операторов сначала поместили внутрь этого помещения, а после выкрасили одной краской и то, и другое.

Сам нобелевский лауреат находился посреди своей операционной, у станины напичканного электроникой нейрохирургического стола, совмещённого с трубой ядерно-магнитно-резонансного томографа и десятком иных приборов. Пожилой гений от медицины напряжённо вглядывался в один из пятидесятидюймовых плазменных мониторов, укреплённых под потолком в непосредственной близости от хирургической зоны. Наконец что-то негромко звякнуло, и на экране высветился ряд столбцов с цифро-буквенными обозначениями.

– Господин профессор! – один из ассистентов обернулся к седому учёному. – Синтез завершён успешно! Стабильность препарата девяносто девять и восемьдесят три сотых процента! Начинает падать, скорость распада полторы сотых процента в секунду!

– Наполняйте инъекторы! – распорядился доктор Кугельштайн и склонил голову к лежащему на хирургическом столе немолодому абсолютно лысому человеку, бледную кожу головы которого покрывала сеть коротких шрамов. Накрытое стерильной медицинской простыней рыхлое тело пациента непроизвольно подрагивало от сотрясавших его приступов боли, и по лицу больного скользили гримасы страдания.

– Синтез прошёл практически идеально, в нашем распоряжении порядка восьмидесяти восьми секунд. Этого более чем достаточно! – Немецкий акцент профессора придавал его английскому немного отрывистые интонации, отчего казалось, что Кугельштайн говорит короткими рублеными фразами. – Вскоре вы сможете вздохнуть спокойно, мистер Лозинский! – Седовласый нейрохирург перевел взгляд на замерших в ожидании указаний анестезиологов и лаконично распорядился: – Начинаем. Подавайте хлороформ!

Один из врачей аккуратным движением прижал к лицу пациента прозрачную дыхательную маску, тщательно следя за тем, чтобы исключить неплотное прилегание и одновременно не доставить дискомфорта столь важному VIP-клиенту. Второй специалист уже регулировал подачу газовой смеси, ежесекундно сверяясь с кривой кардиограммы и показаниями дюжины других датчиков, густой сетью проводов опутывавших пациента. Взгляд Лозинского затуманился, и спустя пару секунд его глаза закрылись.

– Пациент под наркозом! – сообщил анестезиолог, на всякий случай сверяясь с приборами.

– Транспортёр! – коротко велел Кугельштайн.

Ближайший ассистент утопил кнопку на приборной панели, и нейрохирургическое ложе с пациентом под тихое жужжание двигателей плавно скользнуло в трубу операционного стола. Толстая крышка захлопнулась, запечатывая его внутри, и несколько секунд автоматика проверяла внутреннюю атмосферу трубы на герметичность и стерильность. Мониторы системы контроля микроклимата вспыхнули разрешающими сигналами, и нобелевский лауреат кивнул помощникам:

– Делайте надрезы! – Он сверился с центральным экраном: – У вас есть тридцать восемь секунд!

Замершие у интерфейсов автоматической операционной нейрохирургии немедленно принялись за дело, вращая верньеры тонкой подстройки оборудования и манипулируя джойстиком. Внутри операционной трубы к голове пациента протянулись семнадцать тонких манипуляторов, снабжённых микрокамерами и лазерными скальпелями. Персонал клиники доктора Кугельштайна своё дело знал. Манипуляторы действовали вплотную друг к другу, но даже минимальная путаница и сутолока в их движениях была абсолютно исключена. Вскоре кожа на черепной коробке Лозинского была рассечена по старым шрамам, под которыми обнаружились миниатюрные платиновые заглушки, закупоривающие хирургические отверстия, что были высверлены в костных пластинах ещё девять месяцев назад. Манипу-

ляторы с ювелирной точностью захватили заглушки, извлекли их из черепа и быстро разошлись в стороны, уступая место электронному инъектору. Целая корона из тускло поблёскивающих золотом игл приблизилась к голове пациента и замерла в ожидании завершения процесса прицеливания.

– Надрезы произведены, заглушки извлечены, наведение игл и юстировка их осей с черепными отверстиями завершены успешно! – доложил старший ассистент.

Доктор Кугельштайн молча направился к центральному операционному пульта и уселся в кресло.

– Время? – поинтересовался он, кладя руки на джойстики управления инъектором.

– Тридцать четыре секунды! – сообщил помощник. – Стабильность препарата девяносто девять и двадцать шесть сотых процента! Скорость распада увеличивается!

– Я приступаю, – известил профессор, и его руки медленно сдвинули джойстики с нейтрального положения.

Предстояла финальная, и самая сложная, стадия операции, требующая филигранного исполнения. Семнадцать игл должны одновременно войти в нужные части головного мозга пациента, каждая на свою, строго, до миллиметра, рассчитанную глубину, синхронно сделать инъекции и столь же синхронно покинуть мозг. Эту часть и без того тяжелейшей процедуры доктор Кугельштайн всегда проводил лично, не доверяя никому. Малейшая неточность в действиях может привести к летальному исходу, и полтора десятка секунд седой нобелевский лауреат представлял собой каменное изваяние. Даже опытный взгляд не сразу мог заметить шевеление его рук, сжимающих джойстики управления инъектором, по миллиметру выбирающих глубину погружения игл.

Указательный палец профессора коснулся миниатюрной кнопки красного цвета, едва заметной на боковой поверхности одного из джойстиков. Тихий щелчок возвестил о произведённой инъекции, и руки Кугельштайна немедленно приступили к извлечению короны игл из черепа пациента. Спустя ещё несколько секунд доктор отпустил джойстики, устало откинулся в кресле и стянул с себя стерильно-белый тряпичный шлем. Возле него немедленно возникла ассистентка и принялась аккуратными движениями промокать медицинским тампоном выступившую на лбу гения испарину.

– Зашивайте! – велел профессор. – Инъекция произведена успешно. До полного распространения препарата пациента из операционной капсулы не извлекать, установленный микроклимат не менять!

Получив команду, ассистенты вновь склонились над мониторами, и к голове Лозинского потянулись манипуляторы, спешащие запечатать хирургические отверстия в черепе новыми заглушками. Через полчаса, когда пациента станет возможным переместить из трубы, кожей на его голове займутся лучшие пластические хирурги – швы на голове столь значительной персоны должны быть сведены к минимуму, несмотря на ношение парика, к которому, как правило, прибегали все пациенты. Таковы правила доктора Кугельштайна, клиника тщательно следит за своей репутацией.

Лозинский пришёл в себя только к полудню следующего дня. Он открыл глаза, посмотрел на яркие лучи солнца, пронзающие отмытые до состояния полной незаметности оконные стекла ультрадорогой персональной палаты, и недовольно поморщился. Опять проспал почти сутки, столько драгоценного времени впустую! Это была реакция организма на хлороформ, сладковатый запах которого всё ещё стоял у него в памяти и стал уже почти ненавистным для вице-премьера. Но с этой мелочью Лозинский был готов мириться, тем более что этот допотопный хлороформ оказался единственным анестетиком, с которым «уживалась» сыворотка доктора Кугельштайна. Все иные, более современные препараты, вкупе с ней по необъяснимым причинам с высокой вероятностью могли спровоцировать ураганный

отёк головного мозга. Академик Линдер стал первой жертвой этого трагического феномена, из-за чего Кугельштайна едва не засудили в пух и прах. Однако старый нобелевский лауреат оказался хитёр и предвидел возможные варианты развития событий. Он заранее подписал с Линдером соглашение об отказе от каких бы то ни было претензий в случае возникновения в ходе операции непредвиденных осложнений, вплоть до летального исхода. Кугельштайна быстро оправдали, после чего проклятый немец без зазрения совести поднял и без того немалую цену на свои услуги.

С тех пор операция обходилась всем желающим в полтора миллиона долларов, ещё столько же стоил синтез самой сыворотки, созданной старым профессором. И выбирать не приходилось, Кугельштайн оказался единственным медиком в мире, способным хотя бы на время разорвать цепь, которой Ареал приковывал к себе своих рабов, получившую в народе название «мозговой Зуд Ареала», или просто «Зуд». Остальные светочи от медицины либо признали своё бессилие, либо безрезультатно пытались отыскать собственное средство излечения. Целые научные институты бились над этой проблемой, но до сих пор ничего, кроме сыворотки Кугельштайна, не могло даже на время избавить от зависимости пострадавшего.

То, что манипуляции заносчивого немца подействовали и на этот раз, вице-премьер почувствовал сразу. Голова ещё болела, но эта боль осталась от сделанных в мозг уколов. Терпеть её было вполне реально, благо она ничем не напоминала жестокий Зуд Ареала, буквально на куски разрывающий мозги, когда казалось, будто внутри мозговых тканей выросли гнилые зубы, насквозь пропитанные острой болью... Теперь же, открыв глаза, Лозинский чувствовал свободу. Через двое суток постоперационное недомогание пройдёт, и он сможет насладиться жизнью, ценить которую научился четырнадцать месяцев назад. Раздражало лишь осознание того, что свобода эта продлится недолго. Сыворотка Кугельштайна действовала ограниченное время. В первый раз она подавляет боль на срок в пятьдесят восемь суток, и каждое последующее применение снижает её эффективность на тридцать четыре часа. Но самое отвратительное заключалось в том, что после окончания действия препарата мозг отказывался принимать его повторно ещё в течение месяца. И этот месяц приходилось проводить в Ареале, иначе боль от Зуда была нестерпима. Несколько десятков «добровольцев» сошли с ума или умерли от страданий в закрытых ведомственных лечебных учреждениях России, тщетно бьющихся над проблемой преодоления зависимости.

– Рад видеть вас посвежевшим, мистер Лозинский! – доктор Кугельштайн в сопровождении свиты помощников и ассистентов вошёл в палату. – Операция прошла успешно, все ваши показатели в норме, вы можете покинуть мою клинику, когда пожелаете!

– Чтобы вновь посетить её через три месяца! – скривился вице-премьер. Он усилием воли скрыл охватившую его злобу. Проклятый фашиствующий старикашка, что ты знаешь о моих страданиях?! Показатели в норме! Наверняка получаешь удовольствие, видя наши мучения, так же, как твой папаша, что с интересом ставил научные опыты над нашими предками, что были узниками гетто во Вторую мировую!

– Я понимаю ваше раздражение, – немец отреагировал абсолютно спокойно, – тем более что оно усугубляется побочным эффектом действия сыворотки. Это пройдёт через двое суток, как вы помните. Тем не менее я спешу вас заверить, что я и мои ученики неустанно работаем над усовершенствованием препарата. Мы делаем всё, чтобы увеличить его эффективность и сократить период отторжения. – Он многозначительно посмотрел на своего именитого пациента: – Это весьма нелегко. Ведь никто в мире не продвинулся в этой области далее нас, не с кем даже объединить усилия, всё приходится делать самостоятельно!

«Намекаешь на то, что, кроме как к тебе, нам деться больше не к кому?» – взъярился Лозинский, внешне оставаясь абсолютно спокойным. Мерзкий антисемит! Да, мы и в следующую раз прибежим к нему, как миленькие! Но вот только кто сказал, что он и действительно работает над повышением эффективности сыворотки? Ему как раз выгодно, чтобы

мы заглядывали сюда почаще, зачем собственными руками закапывать золотую жилу? Что-то не верится в то, что препарат будет усовершенствован. Он, Лозинский, на месте Кугельштайна уж точно бы никогда этого не сделал. Надо будет обсудить с Беловым, можно ли проверить слова немца. Это уже четвёртая операция, и теперь вместо изначально обещанных пятидесяти восьми суток свободы у них осталось лишь пятьдесят два с небольшим дня. Подобное положение дел идёт несколько вразрез с заверениями о потугах, предпринимаемых Кугельштайном и компанией в области повышения эффективности своего зелья! А ведь дальше – больше! Точнее, меньше. Срок свободы неуклонно уменьшается с каждым разом, в отличие от цены, выставленной доктором за услуги. Но выбора нет, до сих пор успех Кугельштайна никто не смог даже повторить.

Исследовать его сыворотку невозможно, и дело тут не в авторских патентах, немец не отказывается продавать образцы. Вот только препарат нестабилен и начинает разрушаться сразу после синтеза, и замораживание только ускоряет процесс распада. Полторы минуты – и сыворотка превращается в набор бесполезных молекул, что полностью исключает возможность любых вменяемых исследований. По этой же причине пациентам Кугельштайна приходится добираться до его клиники, корчась в мучениях от жуткой боли, и испытывать страдания до тех пор, пока препарат не будет синтезирован прямо у них на глазах. После этого у доктора есть едва полторы минуты на проведение операции. Даже технологию синтеза, которую немец не стал скрывать, никак не удастся воспроизвести с должным уровнем качества конечного продукта! Московские и американские медицинские институты постоянно пытаются воспроизвести препарат, но всякий раз его качество оказывается недостаточно высоким, а стабильность угрожающе низкой. Как-либо применить такой продукт не представляется возможным. Сам Кугельштайн в ответ на вопросы заявляет, что не доверяет синтез компьютерам. Он и его помощники назначают все хронологические интервалы интуитивно, они, мол, чувствуют синтез. Поверить в подобную чушь Лозинскому было сложно.

– С сожалением вынужден признать правоту ваших слов, доктор, – на лице вице-премьера более не было и тени недовольства. Дежурно-непроницаемое выражение, свойственное государственному чиновнику высокого ранга, было отшлифовано десятилетиями практики и надёжно скрывало любые эмоции. – Успехи мировой медицины в области нашего заболевания оставляют желать лучшего. Вы – наша единственная надежда на сегодняшний день. И я рад, что нам удалось найти общий язык и восстановить взаимопонимание, пошатнувшееся... эээ... на определённом этапе.

– Гибель мистера Линдера в ходе операции явилась огромной трагедией как для меня лично, так и для всей нашей клиники, – нобелевский лауреат склонил голову в знак соболезнования. – И дело не в том, что подобные случаи негативно сказываются на репутации лечебного заведения. Смерть пациента – это всегда личная утрата для врача, предназначение которого – хранить жизнь. Мы предприняли все возможные шаги для того, чтобы подобное не имело шанса повториться, и будем совершенствовать наши методы и впредь. Как видите, даже после столь чудовищного поражения в противостоянии с болезнью и последовавших за ним с вашей стороны попыток гонения, мы не опустили руки и всё же нашли способ преодолеть зависимость хотя бы на время. К сожалению, пока улучшить сыворотку не получается. Но мы не сдаёмся, мистер Лозинский.

– И да поможет вам бог! – заявил вице-премьер с выражением абсолютной солидарности на лице. Арийский подонок, намекает на судебное преследование, которое мы начали в отношении него после смерти Линдера на операционном столе этой расчудесной клиники. Тебе повезло, что ты единственный, кто способен хоть как-то справляться с Зудом. Иначе я вытряс бы из тебя судебным путём все твои деньги вплоть до цента. И наши с Линдером заокеанские родственники, с таким удовольствием ставящие нам палки в колеса, на этот раз охотно оказали бы помощь. Подумать только, докторишка заявил, что роковую роль в

гибели Линдера сыграла его этническая принадлежность! Мол, конфликт с сывороткой возник на генном уровне! Да за такое ты остался бы нищим, доживающим свой арийский век в тюрьме, если б не уникальность этой чертовой сыворотки! Но, раз пошёл обмен упрёками, я не останусь в долгу!

— Я хочу, чтобы вы знали, доктор: мы очень ценим вашу работу и надеемся на её дальнейший успех, — с выражением предельной усталости измученного неизлечимой болезнью человека произнёс Лозинский. — Это много значит для нас, гораздо больше, нежели затрачиваемые на лечение суммы. Ведь в Ареале томится почти двадцать тысяч человек! Вдумайтесь в эту цифру, доктор! Двадцать тысяч! Это больше, чем половина населения Лихтенштейна или Монако! И все они надеются, что мировая наука отыщет способ избавить их от зависимости. Мы не бедные люди, мистер Кугельштайн, но мы платим за ваши услуги не только ради собственного комфорта. Если наши деньги позволят вам создать средство, которое спасёт всех страждущих, мы испытаем неподдельное счастье. Ведь в этом будет частица и наших заслуг тоже. И речь здесь не о гражданском долге, но о простом человеколюбии и сострадании к ближнему своему, как завещал нам господь.

— Абсолютно с вами согласен, мистер Лозинский! — седой нобелевский лауреат без труда выдержал взгляд именитого чиновника. Не понять скрытый смысл слов российского вице-премьера он не мог, но вопреки ожиданиям Лозинскогоотреагировал весьма неожиданно: — Если нам удастся усовершенствовать сыворотку и довести технологию её производства до промышленных критериев, мы предпримем всё для того, чтобы препарат стал доступен каждому больному. И более трети средств, выплачиваемых вами за лечение, идёт именно на финансирование дальнейших исследований в этой области, за что жители Ареала отчасти могут быть благодарны вам и мистеру Белову. Тем паче, что, насколько мне известно, больше им надеяться не на кого. Остальная часть населения страны устраивает по отношению к ним неприкрытую дискриминацию и даже геноцид, а в сам Ареал, с молчаливого согласия правительства, стекаются преступники всех мастей, спасающиеся от преследования силовых структур. Некоторые особенно одиозные журналисты даже заявляют, что внутри Ареала процветает торговля женщинами и наркотиками и именно криминальные группировки заправляют всем в тех землях, а вовсе не возглавляемое вами РАО, власть и влияние которого, по их мнению, ограничивается периметром так называемого Сателлита. Впрочем, мы не склонны верить ушлым писакам. Наверняка всё это досужие домыслы представителей жёлтой прессы, оккупировавшей независимый интернет!

— Именно так! — подтвердил Лозинский. Вот же мерзкий человечиска! Он ещё смеет тыкать носом его, руководителя РАО «Ареал», бессменного вице-премьера целого государства, пережившего уже трёх президентов, в его же собственную вотчину! Эти учёные черви своей неуправляемостью и слабыми понятиями о том, кто есть кто в этом мире, порядком надоели ему ещё при прежнем «Ареале»! Что ж, хорошо! Сейчас он согласится с заносчивым умником, таковое решение будет наилучшим и с политической, и со стратегической точки зрения. Кугельштайн пока нужен. Но как только они излечатся от зависимости, он позаботится о том, чтобы престарелый немец закончил свою жизнь в нищете, забытый всеми! Благо, семейные ресурсы позволяют организовать подобное. Не в первый раз! — Вы стали жертвой стервятников от журналистики, падких на жареные факты. Такое пишут лишь те, кто ради пятидесяти долларов, полученных за грязную статейку, готовы продать и истину, и честь профессии репортёра, и собственную совесть. В действительности правительство России прилагает все усилия, чтобы облегчить участь жителей Ареала. И не последнюю роль в этом играет население страны, создавшее и добровольно финансирующее посредством пожертвований несколько мощных негосударственных фондов, осуществляющих помощь пострадавшим от зависимости. Я могу со всей ответственностью повторить свои слова, произнесённые на докладе Президенту, состоявшемся три дня назад: жизнь и быт людей, для

которых Ареал вынужденно стал домом, протекает на достойном уровне и ничем не отличается от уровня жизни любого региона страны!

– Не имею оснований не доверять словам столь видной политической фигуры, как вы, – дипломатично ответил Кугельштайн. Его лицо при этом не выражало и тени доверия. – Однако не смею больше отнимать у вас время! Вас наверняка ожидает бесконечное множество государственных дел, а мне необходимо продолжить обход пациентов. Желаю вам удачного пути!

Нобелевский лауреат попрощался и вышел вместе с ассистентами, и в палате остался только референт Лозинского. Увидев требовательный взгляд шефа, он немедленно устремился к шкафу и извлёк из него деловой костюм вице-премьера.

– Ваш автобус готов, Валентин Иванович, мы можем отправляться через четыре часа! – подобострастно сообщил он. – Со швейцарскими властями всё согласовано, к этому времени они дадут полицейское сопровождение и обеспечат зеленый коридор до самой границы. Дальнейший путь также согласован по линии МИДа, они прислали подтверждение вчера вечером. Власти транзитных государств предоставляют нам эскорт по стандартной схеме, в Россию доберёмся без задержек!

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! – недовольно буркнул Лозинский, вставая с кровати. Он смерил референта мрачным взглядом и прошествовал в ванную комнату.

– Извините, Валентин Иванович! – побледнел тот, поняв, что не подумал и ляпнул лишнее.

Вице-премьер закрыл за собой дверь в ванную, но замок запирать не стал. Мало ли что... Случиться может всё, что угодно, в прошлый раз в руках парикмахера фен вспыхнул от короткого замыкания. Лучше не запираться, чтобы референт смог подоспеть на помощь, в случае чего. Сейчас необходимо быстрее привести себя в порядок и покинуть палату и саму клинику. За дверью его ожидает охрана, в их присутствии ему несколько спокойнее. Лозинский подошёл к душевой кабине и с опаской протянул руку к лепестку регулировки подачи воды. По требованию вице-премьера из его персональной палаты убрали все электрооборудование, оставив лишь минимально необходимые приборы. И всё же он опасался. Помнится, у Белова уже неоднократно лопались трубы системы отопления, он даже получил довольно болезненный ожог... На этот раз обошлось без происшествий, душевая кабина заработала исправно, и Лозинский принялся стягивать больничную пижаму со своего рыхлого дряблого тела.

В личном спецавтобусе Лозинский оказался за час до отправления. Сейчас, когда Зуд на время оставил его в покое, каждый час без боли, потраченный впустую, несказанно раздражал вице-премьера. Он буравил референта недовольным взглядом, и тот, невольно ёжась от страха, каждые десять минут связывался с цюрихской полицией, уточняя, где сейчас находится положенный им эскорт. Наконец полицейские машины прибыли, и кортеж Лозинского покинул территорию клиники.

До границы с Германией добрались практически спокойно, только однажды на одном из автомобилей сопровождения лопнула крышка. Это произошло в момент прохождения поворота, джип на полном ходу развернуло поперёк дороги, но опытный водитель-ФСОшник справился с управлением и не допустил аварии. Охрана не пострадала, быстро заменила колесо, и спустя час отставший автомобиль догнал колонну у пункта пограничного контроля. Кортеж российского вице-премьера провели через границу вне очереди, и возражений не последовало ни со стороны официальных лиц, ни вынужденных посторониться людей. Лозинский мрачно усмехнулся, глядя в пуленепробиваемое окно, затянутое прозрачным покрытием из мягкого полиэтилена, наполненного воздухом. И швейцарцы, и немцы предоставили его кортежу полицейское сопровождение и организовали зелёный коридор

на всём пути следования по территории своих государств, и точно так же поступят Чехия, Польша и Белоруссия. Все стремятся как можно скорее избавиться от дорогого гостя, лишние несчастные случаи с необъяснимыми причинами никому не нужны. Впрочем, в этом даже имелся свой плюс: в подобном режиме движения от Сателлита до Цюриха удавалось добраться за сорок один час, на семь часов раньше критического срока. Но это слишком медленно, если твой мозг раздирает нестерпимая боль! Быстро учишься ценить каждую минуту. Но специалисты по безопасности категорически запретили кортежу превышать скорость движения свыше ста километров в час. Заключение инженеров и медиков гласило, что гарантировать благоприятный исход в случае аварийной ситуации, учитывая специфику Зависимости, им сложно даже на рекомендованных скоростях.

– Валентин Иванович, разрешите? – мягкая перегородка, отделяющая салон вице-премьера от мест помощников, приоткрылась, и в него заглянул референт с мобильным телефоном вице-премьера в руках. – Генерал-лейтенант Белов на линии!

Лозинский молча протянул руку, забирая аппарат, и взглядом велел референту оставить его в одиночестве. Видеть сейчас кого бы то ни было вице-премьеру не хотелось, а следить за состоянием и прочей безопасностью своего шефа подчинённые могут и со своих мест, спецавтобус нашпигован камерами и микрофонами под завязку.

– Слушаю тебя, Эдуард, – Лозинский поднёс трубку к уху. – Надеюсь, у тебя всё хорошо?

– Я тоже на это надеюсь, – в голосе генерала чувствовалась нервозность. Терпеть раздирающий мозги Зуд было нелегко. – Как прошла операция?

– Без осложнений, – ответил вице-премьер. Раз Белов испытывает боль, значит, он находится вне Арела. – Что-то произошло, Эдуард? Ты не станешь покидать Сателлит без причины.

– Текущие вопросы, – генерал держал себя в руках, но Лозинскому было хорошо известно, какими усилиями даётся эта видимая сдержанность. Боль, причиняемая Зудом, в первые часы после покидания пределов Арела оказывалась вполне терпима, но нарастала быстро и к исходу суток представляла собой поистине адские мучения. И чем дальше от границ Зелёной Зоны находился человек, тем сильнее были страдания. Путь в клинику Кугельштайна мало чем отличался от изуверской пытки, и тем блаженней было возвращение.

– Некоторые действия необходимо и возможно предпринимать только в Москве, – продолжил Белов звенящим от напряжения голосом, – ты не хуже меня это понимаешь, Валентин.

– Понимаю, – согласился вице-премьер. За прошедший год их с Беловым позиции во власти существенно пошатнулись. Зуд вынуждал из каждых трёх месяцев один проводить в глуши Сателлита, вдали от столицы, и в подковёрных интригах соперники этим активно пользовались, стремясь перетянуть на себя политическое одеяло. – Сколько тебе до операции?

– Сто девяносто два часа, – хрипло выдохнул генерал. – Кугельштайн улучшил сыворотку?

– Нет, Эдик, – вице-премьер зло скривился. – Он по-прежнему кормит нас обещаниями, но реальных успехов не достиг. Мне ввели стандартный препарат.

– Значит, минус ещё тридцать четыре часа? – сипло задышал генерал.

– Да, – подтвердил Лозинский. – Мой таймер уже запущен, – он произвольно скосил глаза на запястье левой руки, где ультрадорогой хронометр от «Патек Филипп», произведённый эксклюзивно для российского вице-премьера, отсчитывал оставшееся время свободы от зависимости. – Может, тебе повезёт больше.

– За восемь суток Кугельштайн изобретёт новую сыворотку? – язвительно фыркнул Белов. – Ты в это веришь, Валентин?

– Нет, – согласился Лозинский. – Но перед выпиской он долго пел мне песни на эту тему. И потому я бы хотел обсудить с тобой некоторые вопросы касательно... сложившейся ситуации. У меня возникли сомнения в его искренности.

– После моей операции! – мгновенно согласился генерал. – В день возвращения в Россию. Раньше не могу, к утру я должен вернуться в Сателлит, иначе не выдержу. Но ты, если желаешь, можешь навестить меня там.

– Это не срочно, – внёс уточнение вице-премьер. Прежде чем закончится действие препарата, он в Ареале не появится ни за что, даже если там высадутся все инопланетяне Вселенной вместе взятые, а тупое стадо, влачащее жалкое существование в Зелёной Зоне, разом издохнет от очередного Выброса. – Разговор может подождать ради более важных дел.

– Значит, договорились, – заключил Белов. – Мой помощник свяжется с твоим ближе к встрече. Мне пора идти, Валентин. Ровной дороги тебе, – пожелал генерал ФСБ и отключился.

Пожелание сейчас как нельзя кстати. Путь до Москвы не близок, и случиться может всё, что угодно, от незначительной поломки до серьёзной катастрофы, такое происходило уже не раз и не два. Лозинский положил телефон на столик и задумчиво откинулся на спинку глубокого мягкого дивана. На лице вице-премьера появилась злобная гримаса. С таким же успехом он мог рухнуть на пол. Его персональный салон, равно как и весь автобус, был обит мягкими материалами, отчего вызывал нездоровые ассоциации с палатой в психушке для особо неуравновешенных пациентов. Сам по себе этот автобус был сконструирован так, что не потерял бы своей первоначальной формы даже в случае лобового столкновения с товарным составом, но его пассажиры, учитывая Зависимость, вряд ли выживут и при гораздо менее серьёзной катастрофе. И потому во внутреннем интерьере была применена стопроцентная отделка мягкими и сверхмягкими материалами и подпружиненными конструктивами. По мнению экспертов, это позволяет исключить возможность получения серьёзных травм в случае аварии и крушения на скорости до ста километров в час. До сих пор это соответствовало действительности, и Лозинский, покидая Ареал, не появлялся на улице вне своего спецавтобуса. У генерал-лейтенанта Белова имеется точно такой же, это подарок Родины в лице Президента Воробьёва двум Героям России, потерявшим здоровье в самоотверженной борьбе с беспрецедентной катастрофой Ареала, потрясшей не только Россию, но и весь цивилизованный мир.

Того, что произошло после операции «Дезинфекция», не ожидал никто. Как позже предположили специалисты ведомства Белова в сверхсекретном докладе, энергия ядерного взрыва вступила в синергизм с энергиями Ареала, максимальными в своей активности в Эпицентре. В результате образовалась небывалая по своей мощности энергетическая аномалия, выплеснувшаяся далеко за пределы Ареала и поглотившая огромную территорию. Структура аномальных зон и происходящих внутри них процессов претерпела серьёзные изменения, и отныне имеет мало общего с тем, что представляла собой до «Дезинфекции». В первые дни доподлинно известно было только то, что радиальная ширина Зелёной Зоны составила порядка пятидесяти километров и граница Жёлтой Зоны проходит практически точно по внешнему периметру бывшего Пояса. Остальное лишь догадки, новый Ареал необходимо изучать заново. В тот момент никто даже не представлял себе, насколько серьёзными окажутся произошедшие изменения. Все, затаив дыхание, напряжённо ждали дальнейшего развития событий: Президент – атаки инопланетян, Штаты и мировое сообщество – объяснений от России по поводу запуска ракеты с ядерной боеголовкой, Совет Директоров РАО – появления из Ареала всяческих рентгенов и воронцовых с фатальными разоблачениями.

Но всё случилось иначе. Сигнал, шедший из Эпицентра куда-то в центр Вселенной, исчез, инопланетяне так и не появились, и операция «Дезинфекция» была признана успешной. Более того, Президент заявил мировому сообществу, что именно нанесение ядерного

удара по Эпицентру позволило прекратить ураганное распространение гигантской катастрофы, неожиданно для всех вырвавшейся из Ареала и в считанные часы поглотившей территорию радиусом в сто тридцать километров. Элементарная подтасовка минимума фактов, срочно проведённая соответствующими специалистами, позволила убедительно доказать это заявление. Загадочная и необъяснимая угроза всему миру была остановлена благодаря оперативным и решительным действиям российского правительства и Совета Директоров РАО «Ареал», не побоявшихся нанести ядерный удар по территории собственной страны ради безопасности всей планеты, или, как минимум, целого континента. Позже западные эксперты, как принадлежащие НАСА, так и якобы независимые, изучавшие загадочный энергетический импульс, опубликовали доклад. В нём говорилось, что энергоканал, связавший Эпицентр с дальним космосом, по их мнению, существовал в два этапа. На первом он истекал с поверхности планеты, на втором же, наоборот, приходил к Земле тем же маршрутом. Эти умники даже вычислили направление, и оно совпало с направлением на какой-то там квазар, находящийся в миллиардах световых лет. Ничего конкретного объяснить они так и не смогли, лишь сослались на слишком большое количество гипотез, не позволяющее прийти к единому толкованию произошедшего. Но одна из таких версий гласила, что если сугубо теоретически предположить, что аномальные процессы, происходившие в Эпицентре, смогли вызвать некий узконаправленный поток энергии в сторону квазара, то мощь подобных аномалий должна была быть колоссальна и вполне могла превратить поверхность Земли в одну большую, охваченную катастрофой, область. Другие учёные возражали, считая, что достичь квазара импульс мог и имея гораздо менее разрушительную мощь, но вот пришедшие в ответ энергии точно грозили планете полным уничтожением. Против подобных умозаключений выступало ещё большее множество научных деятелей, но это как раз уже не имело значения. Достаточно того, что хотя бы некоторые нероссийские специалисты признавали возможность произошедшей в Ареале катастрофы нанести серьёзный урон существующей цивилизации. Российское правительство ухватилось за их позицию мёртвой хваткой, и вскоре потенциальный международный скандал превратился в международный же спасательный проект. Все устремились оказывать помощь России в ликвидации последствий чудовищной катастрофы. В надежде отхватить под этим предлогом хоть малый кусок от ареаловского нефтяного пирога. Тут-то и началось самое интересное.

Вице-премьер вновь поморщился, вспоминая тот день. Его решение перед началом «Дезинфекции» спуститься в защищённый командный пункт спасло жизни им всем, даже этим двум идиотам, Прокопенко и Хантеру. Первого спасла трусость, второго – глупость. Племянничек Белова, узнав о поступившем приказе поместить Прокопенко под домашний арест, вспылал желанием заступиться за невинно оклеветанного борца со шпионажем. Он воспользовался своими особыми полномочиями, полученными на время операции по задержанию иностранного резидента, явился к Прокопенко и потащил его с собой прямиком к дяде, разбираться в поисках правды. Насмерть испуганный Прокопенко не смог отказать лейтенанту Левину, хоть и прекрасно понимал, что подобные пристрастные беседы не несут для него ничего хорошего. В результате охрана задержала обоих болванов у внешнего входа в защищённый командный пункт за каких-то полминуты до удара, и отправлять их назад уже не имело смысла.

А потом со стороны Ареала пришла колоссальная ударная волна огромной разрушительной силы, и начался мощнейший Выброс, мгновенно поглотивший пятьдесят три с лишним тысячи квадратных километров. Люди потеряли сознание от боли и находились в беспомощности по шесть – восемь часов. Когда Лозинский пришёл в себя, всё вокруг трясло так, что даже врытый на десять метров под землю защищённый командный пункт вибрировал, словно от лихорадки. Связи не было, приборы не работали, понять, что происходит, оказалось решительно невозможно. Если бы не охрана, заявившая, что налицо все признаки

Выброса за исключением ударной волны, Совет Директоров вполне мог поверить в версию о нападении инопланетян.

Трясти перестало только к утру следующих суток. Аппаратура связи и прочее оборудование по-прежнему не функционировали, и Лозинский приказал покинуть убежище. Однако сделать это оказалось непросто, автоматика раздвижения потолочных бронеплит, скрывавших выход на поверхность, не работала. Охране пришлось воспользоваться ручным механическим управлением, и на одно только открытие дверей и подъём винтовой лестничной аппарели до уровня почвы ушло почти сорок минут. На поверхности их глазам предстала картина полнейшего разрушения. Ударная волна превратила Городок РАО в огромное месиво, состоящее из груд обломков и разрушенных скелетов строительных конструкций. Повсюду валялись куски стен, обломки мебели и изуродованные трупы погибших. Едва кто-то из охранников сделал шаг от входа, его в мгновение ока разорвало в кровавую кашу невидимой аномалией. Один из личных телохранителей Белова заявил, что не знает как, но территория Городка теперь явно находится в Жёлтой Зоне, и двигаться по поверхности равносильно самоубийству.

Тогда Белов с Лозинским решили использовать свой последний козырь. Все вернулись внутрь защищённого командного пункта, надёжно заперли вход и воспользовались потайным путем, проложенным ещё при строительстве этой части Пояса. Заранее пробитый для подобной ситуации подземный тоннель вёл из убежища за пределы Ухты на расстояние в три километра. Установленная в нем узкоколейка с ручной дрезиной, специально, чтобы не выдать факт бегства звуком работающего двигателя, не могла вместить всех, и потому часть охраны двигалась за ней пешком. Тайный ход выводил к спрятанному в тайге секретному ангару, где в постоянной готовности находился резервный вертолёт Совета Директоров РАО и два боевых вертолета охраны. Этот секретный объект находились под личным контролем генерала Белова и охранялся исключительно доверенными людьми.

Но прибытие в ангар едва не обернулось трагедией. Сооружение не было подземным, и находившиеся в нём охранники попали под действие Выброса. Как только ворота тоннеля распахнулись, выпуская в ангар дрезину, зомбированные охранники ангара бросились на людей, паля из оружия. Несколько телохранителей погибли сразу, двое оставшихся в живых офицеров срочно давали дрезине задний ход, пытаясь укрыть Совет Директоров в тоннеле, пока их третий сослуживец отстреливался от нападавших Зомби. Только прибытие личной охраны Белова, следовавшей пешком по узкоколейке, спасло ситуацию. Два десятка головорезов генерала перебили всех Зомби, и директорат смог выйти из тоннеля в ангар. Но на этом злоключения не завершились. Оказалось, что ударная волна, пришедшая из Эпицентра, пройдя по тайге, потеряла свою силу лишь частично, вследствие чего с ангара сорвало часть кровли прямо над ближайшим вертолётom. Внешне он выглядел нетронутым, но где-то в непосредственной близости от него образовалась аномалия. Выяснилось это просто – помощник Лозинского, имевший пилотскую лицензию, направился к вертолётu и тут же превратился в кровавую кашу на полу ангара. Охранники Белова долго манипулировали УИПами, исследуя помещение, но всё же определили, что два других вертолётa безопасны, к ним можно пройти и даже беспрепятственно вывести их из ангара. Потому что вокруг уже была Зелёная Зона, и законы её пространства позволяют запустить двигатели. Дежурная смена пилотов стала Зомби вместе с охраной ангара и была уничтожена, но, к счастью, среди людей генерала нашлось двое, умевших управлять вертолётom. Несколько часов телохранители возились с очисткой крыши и раскрытием потолочных люков, после чего все погрузились в два вертолётa и поднялись в воздух. Третью машину пришлось оставить, вести её было некому, а уничтожать – слишком громко, привлекать внимание к ангару не стоило. Беловские головорезы частично заминировали строение, но подходить к самому вертолётu

никто не решился. Аномалия будет охранять его лучше любой бомбы, превосходное средство от излишне любопытных, если таковые отыщутся.

Вертолёты поднялись на безопасную высоту и взяли курс на Сыктывкар. Однако по пути стало ясно, что неожиданная катастрофа не избавила Совет Директоров от всех проблем и их свидетелей. Кто-то из сотрудников узла связи Городка, в нарушение всех законов и подписанных приказов об ответственности за разглашение государственной тайны, подслушивал переговоры директоров с Президентом и оказался в курсе официальных причин проведения операции «Дезинфекция». И по закону подлости, разумеется, эти люди выжили, и даже сумели выбраться из смертельно опасной Жёлтой Зоны, имея на руках исправный передатчик. Выяснять, что ещё им известно, времени уже не было, риск и без того оказался слишком велик – резервную машину Совета Директоров узнавали немногие выжившие ухтинцы, из развалин постоянно кто-то махал им руками или привязанным к обломкам досок тряпьем. Пока летели к Сыктывкару, вызвали при помощи бортовой радиостанции выживших связистов, представились спасателями и приказали собраться всем в одном месте для эвакуации. Как только вертолёты достигли города, Белов сформировал из своих головорезов особую команду, которая закрасила бортовой номер на МИ-24 сопровождения и немедленно отправилась решать эту внезапно возникшую проблему. Тут надо отдать должное Эдуарду – это у него получилось очень эффективно. К тому моменту, когда проводившие эвакуацию сыктывкарские, архангельские и печорские спасатели начали находить уцелевших жителей Ухты, среди них не было никого, кто бы заявил о каких-либо инопланетянах, «Дезинфекциях» и прочее.

Ни тот странный Туман-Берёзов, ни Рентген, ни генерал Воронцов, ни кто-либо из его сотрудников не выжили в случившейся катастрофе. Иностранный резидент также погиб, никаких более-менее серьезных свидетелей не осталось, и угроза разоблачения, столь неумолимо нависшая над Советом Директоров, перестала существовать. Конечно, не всё сложилось абсолютно идеально, кто-то из тех, что были в курсе событий лишь частично или вообще только понаслышке, смогли спастись. Но ни общественного, ни политического веса таковые люди не имели, как не имели и никаких доказательств, что ставило их обличительные рассказы в разряд домыслов, газетных уток и жареных фактов. Подобных личностей аккуратно выявляли и заставляли замолчать тем или иным способом. Впрочем, сделать это не составляло особого труда – они не пользовались поддержкой народа. Стадо неохотно верит в рассказы о пришельцах и мировых заговорах, так что к их писку, едва звучащему в дебрях бескрайних помоек интернета, прислушивались лишь любители НЛО и горе-борцы с масонами. Единственной более-менее опасной фигурой оставался майор Плетнёв, сотрудник Отряда Специальных Операций, проходивший в документах РАО под радиопозывным «Медведь». Как раскопал Белов, он находился в доверительных отношениях и с Туманом, и с Рентгеном, и даже с теми двумя учёными, что так не угодили Академии Наук. Таким образом, факт его участия в заговоре против Совета Директоров не вызывал сомнений. Согласно показаниям выживших, некоторые из них видели майора Медведя в Зелёной Зоне уже после катастрофы. Это несмотря на то, что, согласно официальному докладу Рентгена, тот должен был находиться под арестом. Наверняка Плетнёву-Медведю что-то известно, возможно, даже всё, но до сих пор он в поле зрения Белова не появлялся. Это могло означать лишь одно – Медведь не покидал пределов Ареала, иначе Зуд быстро привёл бы его в лечебные учреждения и, соответственно, в руки Белова. Больниц, находящихся вокруг Ареала, не так много, и все они под контролем. Вероятнее всего, что, кроме своей осведомлённости, иных доказательств у Плетнёва не имеется, и он скрывается в аномальных территориях, пытаясь выжить. Это уже проблема Белова, и рано или поздно Эдуард её решит, в этой области равных ему найдётся немного. Он уже избавился от половины своих подручных, что были в